

реходныя мѣста играютъ роль спайки между тремя составными частями, получающими, благодаря ей, видъ одного цѣлаго: безъ этой спайки поэзія, исторія и философія представляли бы изъ себя три неравнаго объема и разнороднаго содержанія книги, случайно сброшюрованные и переплетенныя вмѣстѣ. Мало того: такъ какъ центръ тяжести всего произведенія лежитъ въ романѣ, и такъ какъ философскій трактатъ примыкаетъ непосредственно только къ исторической части, которая сама занимаетъ въ цѣломъ все-таки второстепенное мѣсто, то трактатъ этотъ, кромѣ того и по отвлеченности своей столь мало подходящій къ художественной образности двухъ другихъ частей, и кажется какимъ-то совершенно лишнимъ придаткомъ, нарушающимъ гармонию цѣлаго, какъ, впрочемъ, нарушаютъ ее мѣста, гдѣ гр. Толстой превращается въ военнаго историка и въ доказательство правильности своихъ взглядомъ помѣщаетъ даже впереди текста планъ бородинскаго сраженія. Указываю на такое построеніе всего произведенія съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, этимъ опредѣляется отношеніе философскаго трактата къ цѣлому въ «Войнѣ и мирѣ», какъ не исчерпывающаго въ отвлеченной формѣ всего содержанія произведенія по связи этого трактата только съ однимъ историческимъ элементомъ «Войны и мира»; во-вторыхъ, отказывая произведенію въ техническомъ единствѣ, я имѣю въ виду вскрыть это механическое цѣлое, чтобы обнаружить въ его основѣ единство другого рода, единство внутреннее, его самую общую концепцію, то, что комментаторы Данте по отношенію къ «Божественной Комедіи» очень характерно называли *«idea madre»*.

Представьте себѣ, что гр. Толстой построилъ «Войну и миръ» по другому, болѣе совершенному съ формаль-